

Научная статья
УДК 82.0(470.67):82-1
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-246-255
EDN: VBKKFP

ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ЦИКЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ «ПОЭТЫ» БАГАУДИНА УЗУНАЕВА

Гюльнара Шугабутдиновна Чамсединава

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, chamsedinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3619-5113>

Аннотация. Статья посвящена анализу цикла «Поэты» современного дагестанского поэта Багаудина Узунаева. В работе исследуется центральный для творчества Узунаева конфликт между подлинным, боговдохновенным творчеством, коренящимся в традиции романтизма и античных идеалах, и современной литературной практикой, подчиненной законам рынка и прагматизму. Цикл рассматривается как целостный художественный манифест, в котором лирическое начало сочетается с острой сатирой, а историко-философские размышления – с экзистенциальными переживаниями. В статье прослеживается, как через систему оппозиций (вдохновение/монетизация, поэт/стихоплёт, аскеза/сытость, вечное/сиюминутное) автор выстраивает свою концепцию поэтического призвания. Особое внимание уделяется роли античных реминисценций (образы Катулла, Гая Мария, Кастальского ключа), которые служат Узунаеву для поиска духовной опоры и проведения параллелей между эпохами. В заключении анализируется ключевой образ цикла – «тесная клетушка» поэта-скитальца, который становится мощной метафорой отчуждения, духовного поиска и неустанного творческого усилия в условиях маргинальности и враждебного мира.

Ключевые слова: Багаудин Узунаев, цикл «Поэты», современная поэзия, творческий манифест, искусство, образ, поэт и власть, традиция, сатира.

Для цитирования: Чамсединава Г.Ш. Традиция и современность в цикле стихотворений «Поэты» Багаудина Узунаева // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 246-255. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-246-255. EDN: VBKKFP.

© Чамсединава Г.Ш., 2026

Original article

TRADITION AND MODERNITY IN BAGAUDIN UZUNAEV'S SERIES "POETS"

Gulnara Sh. Chamsedinova

Dagestan State Pedagogical University R. Gamzatov, Makhachkala, Russia, chamsedinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3619-5113>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the cycle "Poets" by the contemporary Dagestani poet Bagaudin Uzunayev. The work explores the central conflict in Uzunayev's work between genuine, divinely inspired creativity rooted in the tradition of romanticism and ancient ideals, and modern literary practice governed by market laws and pragmatism. The cycle is viewed as a holistic

artistic manifesto that combines lyrical elements with sharp satire and historical and philosophical reflections with existential experiences. The article traces how the author builds his concept of poetic vocation through a system of oppositions (inspiration/monetization, poet/poet-writer, asceticism/satiety, eternal/momentary). Special attention is paid to the role of ancient reminiscences (images of Catullus, Gaius Marius, and the Castalian Spring), which serve Uzunayev to find spiritual support and draw parallels between different eras. In conclusion, the key image of the cycle is analyzed – the “narrow cell” of the wandering poet, which becomes a powerful metaphor for alienation, spiritual search, and tireless creative effort in a marginal and hostile world.

Keywords: Bagaudin Uzunayev, Poets cycle, modern poetry, creative manifesto, art, image, poet and power, tradition, satire.

For citation: Chamsedinova G.Sh. Tradition and modernity in Bagaudin Uzunayev's series "Poets". IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 246-255. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-1-246-255. EDN: VBKKFP.

© Chamsedinova G.Sh., 2026

Введение

Исследование современной русскоязычной поэзии народов России, в частности поэтического творчества Дагестана, представляет значительный научный интерес в контексте изучения диалога культур и трансформации художественных систем в условиях глобализации. Литература Дагестана, обладая глубокими национальными корнями, активно осваивает общечеловеческие культурные коды, что порождает уникальные синкретические явления. В этом ряду творчество Багаудина Узунаева, опытного мастера художественного слова, выделяется своей философской глубиной и острой социальной рефлексией. Его цикл «Поэты» является не только значимым явлением в рамках дагестанской литературы, но и ярким художественным высказыванием общечеловеческого масштаба, поднимающим вечные вопросы о природе творчества, миссии художника и его месте в социуме.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления специфики современного литературного процесса, характеризующегося напряженным противостоянием между духовными традициями искусства и прагматическими законами рынка. Цикл Узунаева предлагает модель острого конфликта между сакральным пониманием поэзии, восходящим к романтизму и античным идеалам, и современной практикой, подверженной коммерциализации. Анализ этого конфликта через призму конкретного художественного текста позволяет выявить актуальные стратегии самоидентификации поэта в мире, где подвергаются сомнению базовые культурные ценности.

Целью статьи является анализ цикла «Поэты» Багаудина Узунаева как целостного художественного манифеста, раскрывающего авторскую концепцию поэтического призвания в её противопоставлении современным тенденциям.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ системы ключевых оппозиций (вдохновение/монетизация, поэт/стихоплёт, аскеза/сытость, вечное/сиюминутное), на которых строится художественный мир цикла; исследование функции лирико-философского и сатирического начал в структуре цикла, определяющих его жанровое своеобразие; определение роли и

семантики историко-культурных реминисценций (античные образы Катулла, Гая Мария, Кастальского ключа) в выстраивании авторской позиции и проведении параллелей между эпохами.

Методологическую основу исследования составляют принципы структурно-семантического и мотивного анализа, позволяющие рассмотреть цикл как целостное единство. Для раскрытия интертекстуальных связей и культурного подтекста применяется сравнительно-исторический метод. При рассмотрении сатирического компонента и социальной критики используется элементы социологического подхода к литературе. Такой комплексный методологический инструментарий позволяет всесторонне раскрыть идейно-художественное своеобразие анализируемого текста.

Проведенный анализ демонстрирует, как через личное переживание и острую полемику Узунаев выходит к универсальным обобщениям о судьбе поэта, актуальным во все времена.

Обсуждение

Багаудин Гаджиевич Узунаев является одним из наиболее значимых представителей современной дагестанской русскоязычной поэзии, чье творчество формирует уникальный мост между глубокими национальными традициями Кавказа и богатейшим наследием русской и мировой культуры. Будучи автором многочисленных сборников стихотворений, басен, прозы, очерков и переводов, Узунаев демонстрирует редкую смысловую и жанровую многогранность. Его профессиональный и творческий статус (член Союза писателей СССР с 1982 г. и член Союза журналистов России) подчеркивает не только длительный и плодотворный путь в литературе, но и признание его заслуг в рамках большой советской и российской литературной традиции. Исследователь его творчества И.Х. Атавова справедливо отмечает, что это «вдумчивый художник, заинтересованно вглядывающийся в окружающий мир. Пытливый ум поэта хочет проникнуть в самую суть вещей, понять их и поведать миру о своих открытиях» [Атавова 2011]. Именно эта пытливость, соединенная с бескомпромиссной этической позицией, формирует стержень его поэтики, что с особой силой проявляется в лирико-философском цикле «Поэты».

Данный цикл представляет собой масштабное и внутренне драматичное полотно, где лирическое начало неразрывно сплетено с острой социальной сатирой, а историко-философские размышления обретают плоть экзистенциального переживания. Узунаев с пристрастием судебного следователя исследует природу поэтического творчества, его высочайшее, почти сакральное предназначение и те глубинные противоречия, в которые оно ввергнуто в современную эпоху потребления и прагматизма

Цикл «Поэты» Багаудина Узунаева представляет собой масштабное лирико-философское и одновременно сатирическое полотно, на котором автор с пристрастием исследует сущность поэтического творчества, его высочайшее предназначение и те глубокие противоречия, в которые оно погружено в современную эпоху. Этот цикл – не просто собрание тематически близких стихотворений, но целостный манифест, построенный по принципу контрапункта, где высокое

соседствует с низким, сакральное с профанным, а вечные идеалы сталкиваются с сиюминутной конъюнктурой. Сквозь призму этого конфликта Узунаев выстраивает стройную и бескомпромиссную систему взглядов на место поэта в мире, обращаясь для прояснения своей позиции как к прямому дидактическому слову, так и к сложному языку исторических и культурных аллегорий.

Цикл открывается программным заявлением, которое сразу же обозначает духовный полюс авторской системы координат. Лирический герой, от чьего лица ведется повествование, постулирует абсолютную и незыблемую ценность вдохновения, понимаемого не как эмоциональный порыв, а как акт божественного откровения. «Стих, без него рожденный, – пуст» – эта формула отсылает к классической романтической традиции, где поэт есть всего лишь проводник высшей воли. Вдохновение для Узунаева – это «дуновенье, / Привет, слетевший с божьих уст», явление, несравнимое ни с какими земными радостями, даже с поцелуем «Вакханки юной». Этому сакральному идеалу автор противопоставляет безрадостную картину современной ему литературной среды. С горечью и сарказмом он констатирует, что «днесь поэты – млад и стар – / Увы, живут мечтой одною, / И, прямо скажем, прикладною: / Монетизировать свой дар / В большой и жирный гонорар». Поэт мастерски использует здесь сниженную, почти коммерческую лексику («монетизировать», «гонорар», «доход»), чтобы подчеркнуть глубину падения тех, кто превратил служение Музам в ремесло. Его критика направлена не просто на корысть, а на сам тип мышления «стихоплёта», который, прикрываясь расхожей фразой «Одно другому не мешает», на самом деле «правду с глупостью мешает». Автор заключает, что такой делец, хотя и может преуспеть в житейском плане, «никогда умов и душ / Он повелителем не станет!» [Узунаев 2022: 334]. В этом утверждении – ключевая мысль всего цикла: истинная власть в искусстве проистекает из духовного авторитета, а не из финансовой состоятельности.

Развивая тему источников подлинного творчества и углубляя критику его профанации, Узунаев во второй части цикла совершает философский поворот от внешнего обличения к внутреннему определению сущности поэтического дара. Этот переход знаменует движение от диагноза болезни времени к описанию здорового, нормативистского идеала. Он фокусируется на ключевом для своей эстетики понятии «прозренья», которое становится не только антонимом физической слепоты или духовной слепоты «стихоплётов», но и альтернативой простому, неосвященному «вдохновению». Если вдохновение можно трактовать как внешний импульс, то прозренье – это результат глубокой внутренней работы, кульминация духовного и интеллектуального напряжения. Автор намеренно и тщательно отделяет это метафизическое состояние от обыденного восприятия, подчеркивая: «Нет, я не про зренье, / Не про хрусталик про глазной... / Я говорю про озаренье, / Про выход к истине сквозной». Это терминологическое уточнение крайне важно: «прозренье» у Узунаева – это не интеллектуальное озарение логика, не эмоциональный порыв лирика и даже не спонтанное наитие. Это особый, трансцендентный акт интуитивного постижения, момент наивысшей ясности и соединения с абсолютным, когда поэту, подобно мистiku или пророку, открывается сокровенная суть вещей, их «сквозная» истина, стоящая за феноменальным

миром видимостей. Это прорыв к первоосновам бытия, доступный лишь тому, чей дух очищен от суеты и готов к восприятию.

Далее автор локализует это состояние не только в онтологическом, но и в сакральном хронотопе, указывая на особое, отмеченное время для такого прозрения – раннюю зарю. Выбор этого времени глубоко символичен. Утро, «Когда наш дух особо чуток, / И взоры подняты Горе», описывается не как бытовой интервал, а как лиминальный порог, момент истончения границы между ночью и днем, сном и явью, подсознательным и сознательным, земным и небесным. На физиологическом уровне это время естественной психической уязвимости и открытости; на символическом – это архетипический мотив начала, творения, повторяющего акт божественного творения света из тьмы. В этот пограничный час, когда суетный мир еще спит, дух художника, аскетически очищенный от дневной шелухи и прагматичных помыслов, становится совершенным резонатором, восприимчивым к наитию. Именно в этом состоянии просветленного, аскетически чуткого сознания к поэту нисходит уже не отрывок или намёк, а целый создающий «поток» рифм, который изливается «из недр Кастальского ключа» [Узунаев 2022: 334].

Этот классический образ, восходящий к древнегреческому мифу об источнике вдохновения на горе Парнасе, питаемом музами, у Узунаева выполняет несколько фундаментальных и взаимосвязанных функций. Во-первых, он служит символом чистого, незамутненного, вечного родника поэзии, чья вода – синоним самой жизни, истины и духовности искусства. Это прямая и наглядная антитеза «жирному гонорару»: источник не покупается и не продается, к нему можно только припасть, духовно и интеллектуально подготовившись. Он дарует не материальное богатство, а богатство смысла. Во-вторых, отсылка к античному первоисточнику создает мощный интертекстуальный пласт, включающий поэзию Узунаева в непрерывную многовековую традицию западноевропейской и русской культуры – от Пиндара и Горация до Державина, Пушкина и Мандельштама, также использовавших этот образ. Это утверждает идею преемственности, вечности подлинного искусства и его вневременного канона. В-третьих, «Кастальский ключ» выступает как пространственно-глубинная метафора самого творческого процесса: истинная поэзия рождается из глубин («недр»), из коллективного бессознательного культуры, из архетипических пластов психики и личного духовного опыта, а не конструируется на поверхности рассудка для сиюминутных нужд рынка или идеологии. Таким образом, эта емкая метафора не просто украшает текст, а становится концептуальным и композиционным мостом. Она напрямую и контрастно подводит читателя от возвышенных размышлений о сущности и источнике вдохновения к центральной, самой обличительной и эмоционально заряженной части цикла – «Предателям Муз». Если Кастальский ключ – это сакральный идеал, чистый исток, то «предатели Муз» – его прямое, кощунственное и сознательное отрицание, загрязнение этого источника меркантильными интересами. Именно столкновение этих двух абсолютных полюсов – священного служения и профанирующего предательства – составляет драматургический нерв и этический пафос всего художественного манифеста Узунаева.

В этой части цикла, носящей программное и обличительное название «Предателям Муз», Узунаев совершает резкий и решительный переход от лирико-философских размышлений к острой социальной сатире и прямой, бескомпромиссной полемике с современностью. Он начинает этот суд с мощной цитаты-отсылки – «небес избранник», – которая мгновенно включает в текст голос пушкинской традиции с ее высоким пониманием миссии поэта-пророка, «невольника чести» и «гения чистого красоты». Однако этот возвышенный эпитет служит у Узунаева не для воспевания, а для контрастного оттенения последующего разочарования и как точка отсчета, от которой измеряется глубина падения. Сразу же за этим следует риторический, но оттого не менее мучительный и экзистенциальный вопрос, обращенный и к читателю, и к самому себе: «Кто он – поэт?». Этот вопрос, вечный для русской метапоэтической рефлексии, становится у Узунаева отправной точкой для судебного разбирательства над ложными личинами, которые присваивает себе современное «творческое» сообщество.

Далее автор выстраивает целый каскад антитез, который выполняет функцию исчерпывающего, почти юридического перечня возможных, но, с его точки зрения, неаутентичных или предательских ролей. «Певец утопий? Или реалий метроном?» – уже в этой первой оппозиции звучит скепсис по отношению как к безответственному мечтательству, оторванному от жизни, так и к бесстрастному, механистичному документированию действительности. Узунаев констатирует многовековую неразрешимость этого спора: «Простой вопрос... Но сколько копий / Сломали, думая о нём!» [Узунаев 2022: 334], тем самым указывая, что его анализ лежит в иной плоскости – не теоретической, а этической. Затем следует галерея быстро сменяющихся образов-масок: «Пламенный оратор, / Зовущий общество вперед!» – здесь узнается тень поэта-трибуна, агитатора, чей пафос может служить не истине, а очередной идеологии; «холодный регистратор» – образ бесчувственного хрониста, лишённого творческого начала; «смиранный черноризец, / Влюбленный в небо богомаз?» – карикатура на поэта-затворника, чья духовность рискует стать эскапистской и бесплодной для мира.

Кульминацией этого ряда становится самый отвратительный для автора образ – «корыстный живописец / Лиц, овладевших волей масс?» [Узунаев 2022: 334]. Это точный и убийственный портрет поэта-конъюнктурщика, придворного льстеца, сознательно продающего свой дар в услужение власти — не важно, политической, финансовой или медийной. Узунаев подчеркивает не просто корысть, а именно осознанное обслуживание силы («лиц, овладевших волей масс»), что превращает поэзию из искусства в инструмент манипуляции, в часть пропагандистского аппарата. Подводя итог этому сатирическому перечислению, Узунаев прибегает к емкой, ядовитой и афористичной антитезе, которая становится центральным диагнозом эпохи: «Поэты прежде были тощи, / А ныне – сыт и толстопуз / Служитель Муз... Верней и проще / Таких назвать: предатель Муз!» [Узунаев 2022: 334]. Этот вердикт беспощаден в своей простоте и образной силе.

Контраст между аскетичным, «тощим» прошлым и «сытым», самодовольным настоящим служит Узунаеву многослойной метафорой. «Тощий» поэт – это не только указание на материальную необеспеченность, но, в первую очередь,

символ духовной жажды, ненасытности в поисках истины, внутренней аскезы, необходимой для очищения восприятия. Худоба здесь – знак напряжения духа, неприсоединения к миру потребления. «Сытость» же и «толстопузость» – это метафорическое воплощение духовной пресыщенности, самодостаточности, утраты творческого голода и, как следствие, готовности к компромиссу с реальностью. Это физиологический образ душевной лени, обуржуазивания духа. Узунаев прямо связывает эту метаморфозу с глубинным кризисом: сытый «служитель Муз» – это оксюморон, ибо истинное служение предполагает самоограничение. За этим контрастом стоит горький вывод о том, что «горный дух иссяк» [Узунаев 2022: 334], то есть прервана связь с тем самым Кастальским ключом, источником вдохновения. Таким образом, в разделе «Предателям Муз» Узунаев переводит личный конфликт в план историко-культурной катастрофы, где предательство понимается не как частный проступок, а как системный отказ от самой сути поэтического призвания в обмен на материальный комфорт и социальную устроенность.

Для контраста и поиска утраченного идеала, а также для обретения духовной и исторической опоры в противостоянии с современностью, Узунаев обращается к глубоким историко-культурным параллелям. Он находит в античности не просто музейный объект для эстетического подражания, но живую, экзистенциально актуальную почву, где решались сходные проблемы творчества, власти и духовной свободы. Стихотворение «Катулл» становится ключевым моментом этого диалога сквозь века. Оно переносит читателя в Древний Рим, в атмосферу, пронизанную «знойным ветром ливийской пустыни» [Узунаев 2022: 335], что сразу создает образ страстной, почти физически ощутимой стихии, соответствовавшей накалу лирики самого Катулла. Однако Узунаев предлагает неожиданную и углубленную трактовку образа великого римского лирика, выходящую за рамки хрестоматийного представления о нем как о поэте, одержимом любовной страстью Постумии. Его Катулл, безусловно, ищет «прекрасной Постумии лик», но автор настаивает на более высокой мотивации: «Нет, не раб он телесных утех! / Он Прекрасного паж полномочный / Сквозь телесное, римский поэт, / Ищет вечного образа свет» [Узунаев 2022: 335].

В этой интерпретации Узунаев осуществляет платонический поворот: чувственная, земная страсть сублимируется в метафизический поиск, в стремление к абсолютной Идее Красоты, проступающей сквозь материальную оболочку мира. Катулл предстает не просто влюбленным, а «полномочным пажом Прекрасного» – служителем высшего начала, чья миссия заключается в прозрении вечного в преходящем. Эта возвышенная, идеалистическая устремленность поэта сталкивается в стихотворении с двумя формами враждебной, опошляющей силы. Первая – это суетный, корыстный мир самой возлюбленной, объективированной красоты: Постумия, которая «с богачами / Веселится, сверкая плечами» [Узунаев 2022: 335], воплощает соблазн пустого, лишнего духовного измерения существования. Вторая и главная сила — грубая, всеподавляющая власть в лице Цезаря, символа тиранического государства и политической прагматики. Однако здесь Узунаев делает центральный для своей концепции вывод: «многое мог, но не мог / Запретить ему магию строк / Извлекать» [Узунаев 2022: 335]. В

этом утверждении неуязвимой, победительной силы подлинного искусства заключен скрытый вызов и утешение для самого автора в его полемике с современными «предателями Муз» и любыми формами диктата. Поэт может быть физически слаб и уязвим, но его творческая магия неподвластна внешнему принуждению. Трагический финал стихотворения – «Не любовник веронский, а Бог!» [Узунаев 2022: 335] – является апофеозом этой идеи. Смерть поэта-«Бога» (здесь Узунаев использует державинскую по масштабу метафору) не отменяет его божественной миссии; напротив, она подтверждает его причастность к вечному, делает его жертвой, но и победителем в схватке духа с материей и насилием. Через образ Катулла Узунаев не только ищет духовную опору в классическом наследии, но и легитимирует собственную позицию маргинального, но свободного художника, чье творчество – это форма сопротивления и служения высшему идеалу, неподкупного даже перед лицом власти и смерти.

Следующее обращение к античности – «Подражание Овидию» – вносит в цикл тему власти, ее символов и их сложных, часто двусмысленных отношений с искусством. Лирический герой, наблюдая за «парением, полетом орлов», задается вопросом о природе их притягательности. Это размышление выводит его на идею о двойственной природе орла как символа: с одной стороны, это птица Юпитера, знак божественного покровительства и высшего одобрения («Орлы Юпитеру Судьбой посвящены»), с другой – это геральдический символ имперской, военной мощи. Исторический экскурс к фигуре Гая Мария, который, по преданию, нашел орлиное гнездо с семью птенцами и истолковал это как знак своего семикратного консулата, служит мостом между прошлым и настоящим. Узунаев с иронией отмечает, что Марий добился власти «Конечно, не за так, конечно, не без блага...», но тут же оговаривается, имея в виду «обычный меч, / Да право убивать». Эта историческая ретроспектива закономерно выводит к современному «двуглавному» Орлу, который «пространство одолел и время поборол». Ирония автора достигает апогея в финальном образе толпы, которая славит этих новых орлов, «развалясь, в подножии с попкорном» [Узунаев 2022: 335]. Этот образ красноречиво демонстрирует, как сакральные символы власти и героизма в современном массовом обществе превращаются в элемент шоу, лишенный подлинного пиетета и понимания, становясь фоном для обывательского потребления. «Поэт не боится раскрывать сложные противоречивые чувства, затрагивать темные стороны человеческой души» [Атавова 2013: 20].

Завершается цикл стихотворением, которое представляет собой мощный лирический каданс, возвращающий читателя из сфер высоких идеалов и исторических обобщений в частное, интимное и до боли конкретное пространство лирического героя. Это «тесная клетушка: / Окно слепое, пол немного пьяный, / В углу расположилась раскладушка». Эта аскетичная обстановка – «очередная стоянка на планете» для поэта-«скитальца». В этом образе бездомности заключен глубокий смысл: это не столько социальный статус, сколько экзистенциальное свойство истинного художника, чей дух не укоренен в материальном мире. Процесс обустройства этого временного пристанища («Пол подмету... окно протру... задвижку / Покрепче прикручу») описывается с почти ритуальной тщательностью. Кульминацией становится появление образа паучка, который,

подобно поэту, является бездомным тружеником, ткущим свою «добротную паутину» вручную, «без единой / Заминки». Однако финал этого, казалось бы, умиротворяющего наблюдения оборачивается метафорой глубочайшей экзистенциальной тревоги: «Но вдруг проснулся – вспрыгнул на середку, / Затряс ее!.. Так среди ночи узник / В отчаянии дергает решетку» [Узунаев 2022: 336]. Эта заключительная метафора многогранна. Это и образ творческого порыва, тщетно бьющегося об ограниченность материального мира и собственного тела; и метафора самого сознания, осознавшего свою запертость в «клетушке» бытия; и, наконец, символ того самого вдохновения, которое, будучи рождено в тесноте и лишениях, отчаянно стремится к свободе.

Заключение

Проведенный анализ цикла «Поэты» Багаудина Узунаева позволяет утверждать, что данное произведение представляет собой целостный и программный художественно-философский манифест, в котором сконцентрированы основные принципы авторской эстетики и этики творчества. Сквозь призму острого, сознательно драматизированного конфликта Узунаев выстраивает многоуровневую систему ценностей, противопоставляя сакральное понимание поэзии как боговдохновенного акта («дуновенья с божьих уст») ее современной профанации, сведенной к механизму социального приспособленчества.

Цикл демонстрирует сложное жанровое единство, где лирическая исповедь органично сочетается с острой социальной сатирой, а историко-культурная рефлексия – с экзистенциальным переживанием одиночества. Через систему бинарных оппозиций (вдохновение/расчет, поэт/стихоплет, аскеза/сытость, вечное/сиюминутное) автор не только критикует «предателей Муз», но и позитивно формулирует свой идеал. Этот идеал коренится в романтической традиции и восходит к античным первоисточникам, что подчеркивается ключевыми образами-символами: Кастальский ключ как источник чистого творчества, Катулл как «паж Прекрасного», противостоящий тирании Цезаря силой «магии строк».

Центральным итоговым образом цикла и, по сути, квинтэссенцией авторской концепции становится фигура поэта-скитальца в его «тесной клетушке». Эта емкая метафора синтезирует в себе мотивы духовной автономии, добровольной аскезы, творческого сосредоточения и трагического отчуждения в мире, враждебном подлинному искусству. «Клетушка» – это одновременно пространство порабощения и лаборатория свободы, где в условиях маргинальности и бытовой неустроенности рождается неумирающий порыв к абсолюту. Отчаянный жест паучка (а через него – и лирического героя), в отчаянии дергающего паутину-решетку, становится символом того самого «горнего духа», который, даже будучи заключенным, не прекращает своего сопротивления и творческого усилия.

Таким образом, в цикле «Поэты» Багаудин Узунаев утверждает не просто элитарную или ностальгическую модель творчества, а экзистенциальную позицию поэта как духовного труженика и непокорного узника, чья власть основана не на социальном признании, а на бескомпромиссной верности внутреннему канону. В этом смысле его манифест, несмотря на полемическую заостренность,

оказывается глубоко актуальным, предлагая противоядие от конформизма и напоминая о том, что истинная поэзия рождается не в пространстве рыночного успеха, а в «тесной клетушке» одинокого и требовательного к себе сознания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Атавова 2013 – *Атавова И.Х.* Творчество Багаудина Узунаева: жанровые и художественно-стилевые особенности. Автореф. дисс. канд. филол. н-к. – Махачкала, 2013. – 23 с.

Атавова 2011 – *Атавова И.Х.* Эволюция художественного сознания в поэзии Б. Узунаева: от пейзажной лирики к философской // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2011. – № 4(17). – С. 92-95. – EDN OPGKDL.

Узунаев 2022 – *Узунаев Б.Г.* Из цикла «Поэты» // Антология литературы народов Северного Кавказа в 5 т. – Т. 1 «Поэзия» / под ред. А.М. Казиевой. – Пятигорск: ПГУ: Снег, 2022. – С. 334-336.

REFERENCES

ATAVOVA I.KH. *Tvorchestvo Bagaudina Uzunaeva: zhanrovye i khudozhestvenno-stilevye osobennosti* [Creativity of Bagautdin Uzunayev: Genre and Artistic-Stylistic Features]. Avtoref. diss. kand. filol. n-k. – Makhachkala, 2013. – 23 p. (In Russ.).

ATAVOVA I.KH. *Evolyuetsiya khudozhestvennogo soznaniya v poezii B. Uzunaeva: ot peizazhnoi liriki k filosofskoi* [Evolution of Artistic Consciousness in B. Uzunayev's Poetry: From Landscape Lyrics to Philosophical Poetry]. In: *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo uni-versiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki.* – 2011. – № 4(17). – P. 92-95. – EDN OPGKDL. (In Russ.).

UZUNAEV B.G. *Iz tsikla «Poety»* [From the Poets Cycle]. In: *Antologiya literatury narodov Severnogo Kavkaza v 5 t.* – T. 1 «Poeziya» / pod red. A.M. Kazievoi. – Pyatigorsk: PGU: Sneg, 2022. – P. 334-336. (In Russ.).

Информация об авторе

Г.Ш. Чамсединова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

G.Sh. Chamsedinova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.12.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2026 г.; принята к публикации 30.03.2026 г.

The article was submitted 14.12.2025; approved after reviewing 15.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.